

зания российской древности» Ломоносова, нашли отражения не столько убеждения Вольтера, сколько его раздражение, угнетенное состояние духа. Замечания петербургских критиков на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» были расценены Вольтером как стремление поколебать его авторитет как историка, и отсюда возникает у Вольтера желание нанести удар по авторам или основному автору «Замечаний». Указание Вольтера в его письме к Шувалову от 11 июня 1761 года на то, что якобы он воюет с немцами, засевшими в Петербургской академии наук, на мой взгляд, нельзя принимать всерьез; оно сделано из предосторожности, чтобы не оскорбить чувства национальной чести И. И. Шувалова. Вольтер не мог не знать, что над пространной историей России, отрывок из которой он подвергал столь суровой критике, в течение ряда лет трудился Ломоносов.

В работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» Вольтер обнаружил огромную силу исторического мышления, незаурядные качества историка, разделяющего передовые идеи эпохи. Поставленная Вольтером задача — написать историю Петра I не как биографию выдающейся исторической личности, а как экономическую и культурную историю целого народа, была новаторской и смелой.

Принадлежавшая Ломоносову концепция истории Петра I остается для нас не известной, и трудно поэтому посредством сравнения на конкретных примерах дать оценку преимуществ и недостатков исторических взглядов Вольтера, с одной стороны, и Ломоносова — с другой. Сильные и слабые стороны исторической концепции Ломоносова в достаточной мере освещены советской наукой.²⁶

Как бы ни было, однако, значительно воздействие старой, «описательной» традиции на концепцию автора «Древней российской истории» Ломоносов-историк обнаружил ряд важных достоинств не только в своих общих воззрениях (проблема происхождения славянства и русского народа, проблема периодизации истории России и т. д.), но и при рассмотрении конкретных явлений русского исторического процесса.

Одно из достоинств исторической концепции Ломоносова обнаружилось и в его полемике с Вольтером-историком. Ломоносов воспринимал русский исторический процесс в его целостности. Деятельность Петра I была для него логическим

²⁶ См.: Б. Греков. Ломоносов-историк. «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 18—34; К. Пономарева. У истоков русской исторической науки «Исторический журнал», 1940, № 4—5, стр. 85—92.